

**Письма командира взвода управления 2-го дивизиона
888-го артиллерийского полка 326-й стрелковой дивизии С.П. Неверова в г. Саранск
жене Полине**

26 марта 1942 г.

Дорогая Полина! Шлю тебе горячий фронтовой привет. Привет Маше, брату, Симе, Галине и Ник[олаю] Ип. Сообщаю, что жив, здоровье в прежнем состоянии и даже несколько лучше, так как сейчас, находясь в обороне, представляется возможность найти время для отдыха. Находимся все время в населенных пунктах, население помогает и заботится о бойцах и командирах Кр[асной] армии.

Данное письмо, Полина, пишу в плохом настроении, потому что несколько почт я не получил ни от кого ни одного письма, что крайне расстраивает. Вот если бы все мои близкие родные написали хотя бы по 2 письма в м[еся]ц (а для тебя норма не устанавливается), то, вероятно, получал бы письма через каждый день. Твои письма читаю с большим интересом, так как ты в них подробно пишешь о дочери, и я радуюсь ее крепкому здоровью, хорошему росту и тому, что она растет «умницей» (как ты сообщаем), и тому, что она одновременно является и «озорницей». Бывают минуты, когда все это ярко предстает перед взором, и одновременно радуешься и грустишь.

Как-то в одном из своих писем ты желаешь скорой встречи, но это может остаться только желанием, так как ни того, ни другого варианта в скором времени не может быть. Судьбу Аверина я мало разделяю, но это возможно, так как все чаще и чаще приходится находиться под обстрелом. И вот тогда, когда приходится подумать о тебе и о возможностях встречи, то такая появляется жажда любви, что она могла бы быть только первой при возвращенной молодости. Но в данной обстановке суровой борьбы, покамест здоровье мое позволяет быть мне на передовых линиях, я ни за что не променяю фронтовую жизнь на тыл, на долгий семейный уют. А короткой встречи жду.

Прошу тебя сообщить адрес Жени, племянника, и передать привет моим сестрам Татьяне и Пане. Сообщи им мой адрес и передай им, что я на них в обиде за их забывчивость о необходимости писать письма. Погода здесь еще холодная, хотя признаки весны уже есть, и, несмотря на большой снег на полях, днем солнце уже пригревает. До свидания. Крепко целую тебя и Танечку. Твой *Сергей*. Зап[адный] фронт.

4 апреля 1942 г.

Дорогая Полина!

Еще и еще раз посылаю тебе вместе с этим письмом свой горячий поцелуй и свое спасибо за твои письма.

Только из твоих писем видно, что ты много грустишь, забыв о многом необходимом в личной жизни.

И вот когда я мысленно (знаешь ли, так, с закрытыми глазами) представляю тебя перед собой, то видишь ты мне среди людей такой же, какой ты была вместе со мной: немного гордой, без лишней веселости и не безразличной к себе в отношении внешности, но только с некоторым грустным отпечатком во взгляде (и это, может быть, временами?). Короче говоря, для меня вы вместе с дочерью и сейчас представляете один из вопросов заботы и любви, только любовь та проявляется с еще большей силой по сравнению с тем, что было раньше. Ты много писала о желании скорой встречи, а кто ее не желает? Но только как понимать «скоро». И если придется встретиться, а этому надо верить, то я сердцем и душой буду моложе прежнего. Уже сейчас для тебя накопилось столько ласковых слов и созвучий, что я в них мог бы утопить тебя.

Когда ты задумываешься и грустишь, то, по всей вероятности, также думаешь о том, что у нас с тобой еще нет сына. Я лично об этом думаю, а особенно с наступлением весны, так как война войной, а жизнь остается жизнью. А когда станешь анализировать твои письма, то видишь, что ты совсем отрешилась от театра, от кино и живешь одними только буднями и работой. Мы вот в условиях фронтовой жизни, находясь на передовых линиях, и то находим время для того, чтобы отметить праздники, сходить в кино и пр[очее]. Вот я не так давно смотрел кинокартину «Золотая тайга»¹ (где, если вспомнишь, есть песенка «Маруся, ты Маруся, зеленые глаза»), так все это восстановило в моей памяти милые воспоминания о любви. А это так дорого, что сравнивать вряд ли с чем возможно, когда и жизнь становится веселей, и борьба упорней.

Обо всем этом, Полина, пишу тебе под воздействием весенних настроений, надеясь и убеждаясь в том, что ты не можешь быть Еленой и даже Тоней. (А дело, может быть, только во времени?)

По хозяйственным вопросам дела решай сама, я только напомню, что усадьбами надо заниматься, а что касается участка на Московской улице, то он юридически не оформлен и оформлять его не стану. Тут необходимо присмотреть за тем, кто его засекает. Если нет никого, то, во всяком случае, можно засеивать. Теперь я доволен тем, что ты обеспечена обувью на весеннее время (если только так?), а то трудно представить себе картину сплошной грязи, и на ногах туфли.

Не жалея ничего, стремись только к лучшему, заботься о себе, знай, что я жив и здоров, и ты мне ничем не поможешь (да я и ничего не хочу), кроме как ласковых слов, сохранения искренней любви и крепких устоев семьи.

Жизнь сейчас пока проходит без боевых действий, но впереди еще предстоят упорные и жестокие бои, к ним мы и готовимся.

Передавай привет маме, брату, Николаю, Симе и Гале. Желая им успеха в работе.

До свидания.

Думаю, что за лишне написанное ты не осердишься, так как на это я был настроен и имел время для письма. А тут как раз и весна. А написал много потому, что в дальнейшем хочу быть кратким.

Крепко обнимаю и целую, твой *Сергей*.

Западный фронт.

Послал тебе перевод на сумму 340 руб. Это остаток от зарплаты к аттестату. Расходовать деньги здесь негде (пока).

Хотя и рано, но поздравляю тебя с предстоящим праздником 1 Мая. Праздник этот отметьте все вместе по-боевой, а если есть вино, то выпейте за наши боевые дела. Дочери купи чего-либо особенного.

5 мая 1942 г.

Дорогая Полина!

1 мая получил твои 2 открытки и письмо, а также письмо и открытку от брата. 3 мая получил твое письмо, посланное от 19 апреля 1942 года, о котором и упоминаю отдельно, так как оно возбудило во мне много волнующих чувств. Его я прочитал 2 раза и сохранил при себе. Это не письмо, а начало развернувшихся действий, действий романа. Я знаю, что в него ты вложила всю свою искренность неподдельной души. Чем оно дорого для меня. Вот почему меня не покидают никогда самые благие намерения как в части тебя, а также и в части нашей вместе любимой дочери, которая тем более и более, как ты выражаешься, приобретает «мои качества». Зная тебя, я знаю, что это просто внушаешь сама себе. Мне помнится тот день, когда я тебя привез вместе с ней в квартиру. Тогда ты сказала: «Как хочется, чтобы она была похожа на тебя». Она в твоём взгляде такая и есть на сегодня. Правда, о нашей Татьянке мне написала Тоня, она тоже нашла в

ней улыбку, свойственную мне. Ну, если так, то я этому рад вместе с тобой и отдельно за себя. А все-таки карточку ты постарайся прислать с нее.

Твою карточку я получил. Она мне напомнила очень о многом из нашей совместной жизни. Ее храню вместе с карточкой, взятой у тебя раньше, так как эти 2 карточки – два волнующих периода. Для меня явилось новостью перевод Казанцева. Прошу, как только узнаешь его адрес, постарайся сообщить мне.

Брату 2 мая послал письмо и сделал перевод на 200 руб. по его адресу, на первомайские подарки, для племянников.

Ты сообщаешь, что мама обиделась на Галину за ее оговорку по воспитанию Веночки. Я скажу только одно, что не все сказанное надо принимать близко к сердцу, так как не каждый человек имеет хорошее воспитание и знает меру вежливости.

А по вопросу того, чтобы мама перешла жить к тебе, надо об этом с ней вообще не говорить, так как знаешь, что это ее сильно волнует, и как бы ни было, поскольку мы живем так близко друг к другу, от Николая, она, конечно, не пойдет. Я не могу знать, насколько это тяжело и обидно для нее, но если зародилась какая-либо мысль о переезде к дочерям, то необходимо от этого отговаривать, так как это есть крайности, дойти не должно, так как наша мать за умом еще мало к кому обращалась. Если только и сейчас эта атмосфера не разрядилась, то ты мои мнения ей выскажи.

Теперь насчет моих товарищей и знакомых по военной службе, о которых ты спрашиваешь. Петров жив, и всегда мы вместе с ним. Правда, не так давно попал под снаряд, но отделался небольшим ушибом ноги.

Начальник штаба Логачев также работает на старом месте.

В большой дружбе я с начальником штаба нашего дивизиона. Он хорошо исполняет романсы (имеет хороший голос), и вот свободное время мы иногда и заполняем песнями и романсами.

Я почему-то часто пою «Везде и всегда за тобою»², и это удачно выходит.

Сейчас жизнь полна военной учебы. Учим бойцов бесстрашию в бою с врагом, овладению в совершенстве своим родом оружия. Биться будем с ненавистным нам врагом до последней капли крови, так как победу можно одержать только так. Это будет ближе к встрече.

Напиши мне, хотя бы в двух словах, как вы справляетесь с севом и как претворяется в жизнь постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) по вопросу мобилизации городского населения на с[ельско]х[озияйственные] работы³, а также об увеличении минимума трудодней для колхозников.

Интересуюсь твоей новой приобретаемой специальностью трактористки. Как освоила это дело?

До свидания.

Желаю наилучших дней, крепко обнимаю и целую тебя, а также и «свою» Татьянку.

Твой любящий тебя *Сергей*.

29 мая 1942 г.

Дорогая жена!

Начинаю скучать о твоих письмах, так как их давно не получаю. В твоих письмах всегда есть такое, что дорого для меня, и, читая их, я как будто нахожусь вместе с вами: перед собой вижу тебя, вижу резвость и рост дочери.

У нас (среди командиров) расценивают (шутя) неполучение писем тем или иным товарищем от семьи как забывчивость, связанную с интересами «слева». И вот я попал в эту категорию тов[арищей], хотя твердо знаю, что причина неполучения писем совсем в другом.

Я, как и прежде, Полина, здоров и служу все в той же части и в той же должности. У нас пока что относительно спокойно. Живем в лесу, и в летнее время это даже лучше, чем в деревне (если не считать военной важности этого).

Дожди как будто бы перестали, и сейчас здесь устанавливается ясная и теплая погода, но еще не жара. И вот иногда, в свободное время, в такую теплую ночь черт знает чего только не вспомнишь, а больше всего вспоминается то небольшое счастливо прожитое время с тобой. И при этом рисуется еще более счастливое будущее, которое надо сейчас еще отвоевать в жестоких боях. И ничуть не страшно умереть даже за нашу Родину, за свободу, за наши семьи, за наших детей, хотя жизнь так дорога.

Теперь, хотя несколько и поздно, но хочу сказать, что в письме ты совершенно правильно ответила на мои «нападки» по отношению к твоей «замкнутости», если это все делается в интересах сохранения здоровья дочери. Ради дочери, конечно, ничто не в тягость, так думаю я, так, по-моему, поступаешь ты.

Напиши, как живет и работает Тоня. Передай ей привет и большую благодарность за письмо, так как не помню, было ли это сделано в прежних моих письмах.

Передай горячий привет Пелагее Васильевне. Думаю, что ты с ней живешь без скандалов, а если прежнее с вашей стороны к ней повторяется, что заставляет ее сердиться на вас, то тебе надо понять, что время уже все это вам отставить и тем самым создать больше спокойствия в ее жизни. А это мы обязаны делать по отношению к ней. Когда она была у нас, а может быть, и сейчас живет, то представляю, что она много времени уделяет Татьянке, и она, наверное, или дерется с ней, или очень дружит.

До свидания.

Крепко обнимаю и горячо целую тебя, твой *Сергей*.

24 июня 1942 г.

Здравствуй, Полина!

На днях получил твое долгожданное письмо и, конечно, как всегда, остался очень доволен им. Ты пишешь, что долго не писала писем по причине большой загруженности работой, и я этому верю, но мне кажется, что к этому есть еще и вторая причина, это то, что ты, вероятно, стала больше привыкать к нашей раздельной жизни, полной больших противоположностей.

Я не делал тебе упрека на успокоенность получением моих писем, это само собой разумеется, но я задавал себе часто вопрос – почему? И при этом как-то невольно щемило в груди. А это значит, для меня еще дорого все, что осталось в памяти о нашей жизни, а память сохранила все до мелочей.

Ты пишешь, что Татьяна растет резвой девчонкой. И я, читая это, представляю ее сейчас более интересной и забавной с точки зрения взглядов родителей и меня как отца. Поэтому я прошу тебя писать о ней более подробно, вплоть даже до отдельных ее шалостей и проказ.

Я, Полина, остался доволен твоим сообщением о хороших успехах в твоей работе и вместе с тобой (за тебя) радуюсь этому. Я также спокоен и за твое экономическое положение, поскольку ты пишешь, что жизнь пока ничего. Кроме того, жизнь твою относительно интересной делают как успехи в работе, а также и наличие вместе с тобой нашей Татьянки. Все трудности в твоей работе имеют, конечно, определенную цель, и тот, кто в данный момент в работу вкладывает львиную долю труда, тот немало содействует делу защиты нашей Родины.

В моей жизни, Полина, трудное время осталось позади, и оно еще будет впереди. А сейчас обстановка пока не требует особых усилий. Находится еще время для отдыха, изредка бывает кино. Не так давно смотрел кинокартину «Машенька»⁴. Предполагаю, что ты ее еще не смотрела. А также навещаю наш красноармейский ансамбль. Кроме того, нашлись заядлые игроки по шахматам, за которыми изредка просиживают время. Больше всего времени уходит на учебу и на разведку противника. С противником разговариваем языком орудий, минометов и пулеметов. Утром с этим делается падешь, хотя всю ночь бодрствуем, а вечером – та же картина. В некоторых местах противник в непосредственной близости, метрах 500–600.

Экономически я, пожалуй, обеспечен несколько лучше, чем вы. Жиров в достаточном

к[оличес]т]ве, кроме того, от населения получаем молоко и яйца. Рыба бывает и свежая, и засоленная. В общем, тыл нам, фронтовикам, помогает всем.

В нашей местности в сельском х[озьяйт]ве всю работу проводят женщины. Здесь им не надо было перестраиваться в связи с войной, так как и в мирное время все с[ельско]х[озьяйственны]е работы выполняли женщины. На передовой линии гражданского населения нет.

Еще раз хочу поговорить о Татьянке. Как ты сообщаешь, она у бабушки разрушает все грядки, а также любит копаться в земле, то я сделал вывод, что она старается, вероятно, подражать тебе и тоже занимается «агрономическими работами». И это хорошо, когда дети принимают специальность родителей.

Не так давно из нашей дивизии поехал домой бывший работник Н[ар]к[омата] з[емледелия] начальник Конеуправления (фамилию его забыл). Если желаешь узнать подробно о фронте, то, вероятно, увидишь его, и он кое-что может тебе сказать.

Кроме того, в одном блиндаже находился с твоим земляком, неким Лачиным из Четвертакова⁵. Он из рядового бойца вырос до командира роты. Дальше письмо пишу тебе, сидя в блиндаже.

До свидания. Крепко и горячо целую тебя. Всегда твой *Сергей*.

4 марта 1943 г.

Дорогая Полина!

Шлю тебе горячий фронтовой привет. Давно нет от тебя писем, а как-то хочется получать их чаще. О себе я ничего не могу сообщить нового. Все так же живу, по-фронтовому, как многие в нашем положении. Продолжаем наступать, но немец упорно сопротивляется, и ты права, когда, гордясь успехами нашей любимой Красной армии, предвидишь и другое. За последние дни почему-то ежедневно вспоминаю о вас, а поскольку нет писем, и настроение неважное. Вот и данное письмо пишу при таком настроении. Нет определенного направления мысли, и хочется сообщить только о том, что я жив и здоров.

Заканчивая письмо, вижу твой все тот же строгий, ясный и милый образ. Татьянку я вижу всегда, когда смотрю в зеркало. Целую вас обоих крепко и горячо, моих любимых, неразрывно связанных с моей жизнью.

Об условиях, в которых нахожусь, не беспокойся, они нормальные и даже более того. Ты видишь, что данное письмо я пишу еще чернилами в более спокойной обстановке.

Привет маме. Передавай привет бабушке, Николаю, Симе, Гале. Горячо целую своих племянниц.

До свидания. Твой *Сергей*.

29 марта 1943 г.

Дорогая и милая Полина.

Шлю тебе горячий фронтовой привет.

За твое долгое молчание был за последнее время сердит на тебя, но как только получил твою открытку, все мои обиды исчезли. Ты все так же, как и в первые дни нашей разлуки, волнуешься и беспокоишься за меня, ожидаешь встречи и вместе с тем горячих объятий и ласковых слов наяву, а не во сне, как об этом сообщаешь ты мне. Знай и верь, что день нашей встречи не так уж далек.

Сейчас мы вышли из боя. Находимся в удалении от переднего края фронта, где немного поспокойнее. Живем все так же в лесу, в землянках, где пока еще оборудовались не так хорошо. Если на фронте нашего участка не произойдет каких-либо резких перемен, то, может быть, будут предоставляться отпуска. По вечерам бывает свободное время, в часы которого чаще всего во что-либо играем. И мне приходится вспоминать и петь любимые цыганские романсы, а также на

новые – фронтовые темы. Одну под названием «Землянка»⁶ я тебе сообщу. В общем, с наступлением весны пробуждаются чувства глубокие любовные, которые тревожат душу и влекут за собой воспоминания о прошедшей взаимной любви. Что может быть лучше того времени и что может быть приятнее сознания повторения этого в будущем. Во всяком случае, ради этого страстно хочется жить.

Сейчас работаю на должности командира батареи. Хотя эта должность и посложнее, но она удовлетворяет меня, так как прежняя работа была сильно ограничена, где нельзя было полностью использовать весь приобретенный запас военных знаний.

Николай пишет, что вы вместе были с его семьей в театре. И я доволен этим, так как не следует стоять в стороне от этой стороны жизни, тогда, когда представляется возможность. Но это бывает очень редко. Я стремлюсь развить себя этим видом искусства.

Еще раз прошу прислать фотокарточку дочери последних дней ее роста. Твою фотокарточку я стал все чаще и чаще держать перед своим взором. Представь, что чем ни больше пройдет времени, тем все труднее будет представить твой живой, реально осязаемый образ, тем ценнее в такое время твоя фотокарточка, присланная на память. Иногда, смотря на фотокарточку твою, забываешь, где явь и сон. Но не в обиду замечу тебе, что прическа волос сильно изменила тебя, сделав лицо грустным, скромно пожилым... * Ну, это ничего, думаю, что ты не всегда такова.

Кончаю. Желая полного благополучия и исполнения твоих желаний. Горячо поцелуй за меня нашу Татьянку. Тебя же я обнимаю и горячо целую с полной надеждой на будущее. Твой уже седой *Сергей*.

Передай привет Тоне Ермаковой.

Мне почему-то за последнее время стали совсем редко писать письма Сима и Казанцев. Без писем, поверь, здесь бывает иногда также трудно.

**Письма начальника штаба 2-го дивизиона
888-го артиллерийского полка 326-й стрелковой дивизии С.П. Неверова в г. Саранск
жене Полине**

[Не ранее 1 мая 1943 г.]*

Дорогая Полина!

Моего приезда ты не дождалась пока, а взамен этого получаешь данную коротенькую записку, переданную со знакомыми лицами, приезжающими в Саранск.

Несколько дней назад я еще питал надежду на получение отпуска, но сейчас дело круто изменилось. Я как-то писал о том, что меня могут опять назначить на другую работу. Это самое и произошло 3 дня тому назад. Теперь требуется время для освоения новой работы. Последняя моя должность была – командир батареи, а сейчас назначили начальником штаба дивизиона. Моя просьба к тебе будет одна – не огорчайся данным сложившимся обстоятельством дела. Прошу, по твоей возможности, с данным человеком прислать мне носки, бумаги (если есть откуда достать, то побольше), цветных карандашей (коробку), простых карандашей (шт[ук] 10). Для гигиены – флакон одеколona, мыльный порошок для бритья. Для разнообразия – пол-литра или ...водки. Другого ничего пока не вспомнил да и не требуется. Если только проявишь какую инициативу и договоришься о возможности пересылки, решай сама, что прислать. Да и то предупреждаю тебя, сделай это не в ущерб своего благополучия и дочери. Я ведь ни в чем не нуждаюсь.

Жизнь моя пока проходит по-старому: все тот же лес, только покинул наблюдательные пункты и перешел в штаб. Работы много. Сутки проходят быстро.

Мой новый адрес 06493 К.

Поздравляю с 1 Мая. Желая провести хорошо, без печали и грусти за меня. Я думаю, у меня будет время встретить 1 Мая неплохо и в кругу неплохих товарищей. Коллектив у нас замечательный. Еще почти все живы старые товарищи. Обстановка тоже спокойная.

Передай привет всей моей родной семье при маме.
До свидания.
Крепко обнимаю и горячо целую тебя, твой *Сергей*.

20 июня 1943 г.

Дорогая и любимая Полина!

Я получил от тебя 2 письма: одно почтой, другое посылкой, доставленной мне Комаровым (признаться, которого не знаю), и, как всегда, а в этот раз особенно был рад всему, о чем ты сообщала. Был особенно тронут душевно проявленной по отношению ко мне заботой, вниманием вплоть до отдельных мелочей быта. В этот раз я не только душевно, но и высказал свою гордость за тебя, за верных жен фронтовиков. И это произошло тогда, когда мы распивали твой подарок. Я говорю «мы», потому что со мной были близкие боевые друзья, с которыми начал войну и с которыми ежедневно работаю и живу. Это хороший боевой коллектив, и ты для них стала также знакомой женщиной. Тебе от них фронтовой товарищеский привет.

Несколько слов о некоторых вещах твоей посылки. 1. Зеркальце – ты, вероятно, каким-то образом знала, что у меня его нет, и оно необходимо.

2. Трубка – это, вероятно, шутка, так как ты знаешь, я не курю.

3. Все остальное в том или ином направлении неоценимо ценно.

С Комаровым, Полина, повидаться не пришлось, так как поехать к нему не было времени, но узнал, что он был у тебя, и о дочери. Говорит, что она большая. В это слово «большая» я вкладываю многое. Со Станишиным я встретился позднее того, как получил от него посылку. Оказалось, что мы по работе знали друг друга еще до войны и имели общих знакомых.

Ты спрашиваешь, как поступить с усадьбой. Если ты сумела использовать ее в этом году, то на дальнейшее нет смысла держаться за нее. Если говоришь о послевоенной жизни (несколько загляну вперед), то она нам будет не нужна. Да и сам наш город, при полном моем здоровье, вряд ли будет для меня постоянным местом жительства.

В твоём письме проскальзывает выражение «счастлив тот, кто сумел побывать в войну в отпуске в своей родной семье». Это, может быть, отчасти верно. Но я говорю, что счастлив будет тот, кто пройдет всю войну, не потеряв семью. Сейчас хочется повидать вас всех, но я знаю, что эта непродолжительная встреча вместе с радостью приезда оставит еще большую печаль отъезда.

О такой усталости в работе я догадывался и даже знал раньше. Но надо не плошать. Надо находить в себе достаточно сил для того, чтобы перенести все трудности момента. Ты, конечно, об этом, видимо, знаешь сама, а я не могу предвидеть всего того, что встретишь в жизни ты и многие другие.

Пока кончаю. Передай привет всем родным.

До свидания. Остаюсь жив и здоров. Крепко обнимаю и целую тебя. Твой *Сергей*.

Может быть, война в скором времени опять заставит считать версты <...>.

19 ноября 1943 г.

Дорогая Полина!

Шлю тебе свой горячий привет.

Получил одновременно 2 твоих письма, в которых ты пишешь, что давно не получала моих писем. За последнее время не представлялась возможность писать тебе, а в тот период, когда ты пишешь, мои письма должны были приходиться регулярно. В том, что ты не получаешь денег по переводам, вина не почты, а моя, так как я за это время переводов не делал, была на это причина. Если ты сейчас испытываешь нужду в деньгах, напиши, я тебе вышлю и немного больше, чем всегда.

Не так давно опять вступили в бои, которые намного серьезнее, чем приходилось встречать

раньше.

Погода здесь переменная, но теплая не по географическому расположению данной местности. Кругом леса и болота.

Полина, ты никак все не можешь примириться с положением моей невозможности приехать к тебе и как будто бы хочешь вину этого искать лично во мне. Если есть такие мнения, то они ошибочные. Скажи, кто может отказаться в такое время от семьи, от любимой жены и детей? Этого невозможно представить себе, хотя война и притупила многие чувства.

Состояние здоровья хорошее, настроение тоже ничего.

Праздник 26-й годовщины Октября встретили в боях и почти что незамеченным.

Сообщи подробнее, Сима уехала с Николаем или нет и куда? Как живет брат Николай и каково состояние здоровья мамы? Очень, конечно, сожалею, что здоровье бабушки слабое, но найди какую-либо связь с Пелагеей Вас[ильевной] или с мамой, которые, возможно, могут быть у тебя чаще.

На этом кончаю.

Желаю тебе лучших дел и благополучия.

Крепко обнимаю и горячо целую тебя, твой *Сергей*.

16 декабря 1943 г.

Милая Полина!

Получил твое открытое письмо из Москвы. Рад за тебя в том отношении, что тебе на несколько дней представилась возможность отвлечься от постоянных дел, и с новой работой и занятиями получишь некоторое разнообразие, которое должно неплохо отразиться на твоём самочувствии, тем более ты имела (или имеешь) возможность видиться с Симой и бывать у них в семье. Мне несколько непонятно одно, где Сима поселилась, в Москве или в Павлово Посаде⁷? Дорогая Полина, ты пишешь мне про обстановку и семейный уют, который создан Николаем в своей квартире. Все это, может быть, и в данный период является необходимой вещью, находясь в таких условиях, как Николай, и что ты это сама оцениваешь положительно, а для меня все эти вопросы стали далекими, забытыми и плохо вырисовывающимися на общем сером фоне фронтовой жизни. В моей жизни стали привычными походная жизнь, ночлег под палаткой и в лучшую сторону в теплой землянке на нарах, и не всегда позволяющую встать во весь рост. И мне кажется, что я уже всю жизнь живу именно так. Здесь сказывается сила привычки, так же, как и у Казанцева. Как будто бы нет ничего общего по <...>, но, по существу, здесь есть единое – это борьба за жизнь.

Я сейчас не мыслю другого для себя и, пожалуй, откровенно сказать, обстановка Николая недолго задержала бы меня, когда знаешь, что не все еще закончено. Только крепкая взаимная любовь между нами влечет меня к тебе, волнует меня до каждой клеточки моего организма. Где-то впереди ожидается большая радость наших встреч, в которых только ты и дочь заполните всю мою тоскующую горячую душу солдата. И красота жизни встанет передо мной в ваших образах, милых и дорогих для меня. Сейчас прошу тебя о том, чтобы ты ждала этих дней более терпеливо, и пока я жив и здоров, будь весела и знай, что я хочу видеть тебя молодой, крепкой духом и с молодым задором. И вторая моя просьба в том, чтобы ты меньше ожидала моего скорого приезда. И знай, Полина, что это зависит не от меня. На этом кончаю. И если ты получишь данное письмо в ночь – желаю тебе спокойной ночи, получишь утром – желаю успешной работы. До свидания.

Крепко обнимаю и горячо целую тебя твой крепко любящий тебя в эти суровые дни испытаний *Сергей*. Муж и отец.

11 февраля 1944 г.

Здравствуй, дорогая Полина!

Шлю тебе свой горячий привет.

Больше чем полмесяца мне не представлялась возможность написать тебе письмо. Если ты получила мое предыдущее письмо, то причина всего этого тебе должна быть ясна.

За этот промежуток времени пришлось побывать в Ленинграде. Многие историческое и красивое разрушено. Побывал в театре, о чем осталось большое впечатление, ведь это было первое посещение театра за два с половиной года участия в войне. Сейчас пока отдыхаем, а дальнейшее можешь предугадать сама.

В предыдущем письме к тебе я сообщал, что в службе моей ожидаются изменения. Хотя и не в моем характере сообщать о себе в этой области, но, вспоминая твои обиды на меня, за это сообщаю, что сейчас работаю также на штабной работе, но ступенью выше. Ожидаю присвоения очередного военного <...> большей своей частью уже <...> да и объем работ больше <...> много работать <...> в отпуск в период войны остаются на сегодня и на ближайшее будущее только мечтать.

Здоровье мое неплохое. Не так давно переболел гриппом. Погода сейчас улучшилась, хоть стоят и теплые зимние дни, но сырости нет.

Давно не получаю, Полина, писем от Казанцева. Что с ним случилось, для меня остается загадкой. Неужели он «обабился» и забыл о близких, я бы сказал, для него людей? Я за последнее время также не имею возможности послать ему письма, так как забыл его адрес. Прошу тебя сообщить мне его.

Беспокоюсь за здоровье мамы, так как, по сообщению Николая, она здоровьем была слаба. Обо мне она пусть меньше беспокоится, так как большие трудности уже пройдены. Теперь все дело вошло в привычку, в быт.

Сообщи, как идет твоя работа, что нового среди моих знакомых.

Передавай привет маме, Николаю, Галине и всем моим знакомым, которые не успели еще забыть.

Альшев по болезни отстал от нас, но есть надежда, что вернется опять к нам. До свидания. Целуй за меня Татьянку. Твой *Сергей*.

8 мая 1944 г.

Дорогая Полина!

Твое последнее письмо я получил довольно-таки давно, да и притом оно было написано тобой под влиянием последних семейных несчастий (болезни мамы, смерти племянницы и пр[очее]). Я ожидал в скором времени получить от вас более успокаивающие известия о болезни матери, но пока ничего от вас нет.

Я не совсем понял насчет отправки мамы на лечение в Москву, что это, только желание или уже решенный вопрос? Прошу написать, что сделано в этом отношении.

Ты, Полина, много кладешь усилий на воспитание нашей дочурки, да оно и быть иначе не может, хотя тебе и нелегко. Лучше всего на лето устроить ее в детсад, как бы тебе ни было трудно носить ее туда и обратно домой, все же это лучший выход из положения.

Предполагаю, что у тебя сейчас горячая пора в работе, если ведешь то же самое дело, но надеюсь, что у тебя нет лишней суетливости и какого-либо признака на отчаяние, вызванного неудачами.

Как встретила весну и провела 1 Мая? Мне этот праздник в третий раз приходится встречать на фронте, в боевых условиях, так что как праздник 1 Мая был отмечен только воспоминаниями боевых дел в кругу своих близких фронтовых друзей. Погода здесь и до сих пор стоит холодная, с постоянными дождями. Всюду непролазная грязь.

Работы сейчас не так уж много, что чаще вызывает скуку по дому и о вас. Стремлюсь

добиться отпуска, но пока нет ничего определенного. Все может произойти неожиданно.

Состояние моего здоровья неплохое, но во всем сказываются годы (старость), а внешне как будто бы еще не стар.

Потерял из вида Алышева, так как он по болезни ноги попал в госпиталь, и каково положение его сейчас, мне неизвестно. Вероятно, к нам он не вернется.

До свидания. Передавай привет маме, Николаю, Галине. Надеюсь увидеть маму в полном здоровье. Передавай привет Тоне и Соболевской, Востокову. Сообщи, как поживает Вера Кулагина и где он [Кулагин] находится сам.

Еще раз до свидания, крепко обнимаю и несколько раз горячо целую тебя.

Твой *Сергей*.

6 августа 1944 г.

Дорогая Полина!

Я тебе давно не писал, но на это были причины – причины войны, нашего наступления и характера моей работы. Теперь я имею несколько свободных часов и спешу передать тебе свой необъятный привет, привести самые наилучшие пожелания.

За последнее время горе меня не покидает ни на один час. Совсем потерял я своего командира, помощника, несколько лучших друзей своей военной жизни. Сердце облито горечью утрат, а действительность остается суровой. Мы преследуем пр[отивни]ка, но это преследование – не марш, а бой.

От тебя, Полина, письма приходят совсем редко, но, я думаю, условия наши с тобой различные, и тебе непростительны долгие молчания. Или это закономерно? Но как бы ни было, а я хочу читать твои письма чаще, чем было раньше, и в данное время. Мне дорого все в твоей настоящей жизни, хотя я и не могу вмешаться в твои «внутренние дела», но внутренний порядок я должен знать.

К тебе, Полина, могут часто приезжать наши военные люди, но сам я вряд ли сумею скоро вырваться к тебе.

Сейчас война идет в Эстонии. Население живет несколько по-другому по сравнению с «нашим». Погода хорошая.

Как растет и здоровье какое нашей Татьянки, как чувствует себя мама и что нового в твоей и вашей жизни?

До свидания.

Крепко обнимаю и горячо целую тебя, твой *Сергей*.

9 сентября 1944 г.

Дорогая Полина!

В момент отъезда Рахманова я не имел времени написать тебе письма, в чем прошу извинить. Надеюсь, что он достаточно подробно осветит тебе мою работу и жизнь, что в письме не представляется возможности описать. Ты, конечно, будешь в обиде, когда по приезде Рахманова не получишь от него письма моего. Сейчас временно стоим на одном месте, там, откуда поехал в отпуск Рахманов, но скоро опять начнутся марши и дни наступательных боев.

События, Полина, развиваются очень быстро в нашу пользу, и недалек тот день, когда отгремят последние залпы войны и торжества, когда дорога к дому будет без преград. Поэтому мы спешим как можно быстрее уничтожить силы врага, оказывающие еще сопротивление.

Твое письмо получил, которое ждал с большим нетерпением, так как был продолжительный перерыв в твоих письмах. И вот обещанное тобой более подробное скорое письмо еще не получено мной и, вероятно, будет опять очередным через месяц.

Сегодня и вчера получил письма от Николая и Симы. Николай, под влиянием больших забот и переживаний, высказал в письме упадническое настроение, вроде того, что личная жизнь его – ни

для кого, и пожелал поехать на фронт, но это только желания, а по существу, на фронте, если отбросить постоянную близость смерти, в вопросах семейных забот намного легче, так как оторван от семьи и боевые действия заполняют большую часть времени. Сима пишет, что живут хорошо. Сообщила о своей поездке в Саранск. Пишет о тебе, что ты сильно изменилась, похудела, стала замкнутой. Для нее это состояние людей мало понятно, хотя она от всего своего сердца сочувствует и переживает вместе с нами наши трудные дни. Очень похвально отзывается о Татьянке, и когда я читал эти строки, меня глубоко задевало горе разлуки.

Работа и жизнь вообще – ничего не изменилось, больше стало ответственности в работе да и только. Природа в данных местах неплохая, но погода сейчас сходит на осень – дожди и прохлада. Материально живем отлично. Жду твоих больших и малых писем, пиши больше о развитии и жизни Татьянки. До свидания. Остаюсь жив и здоров.

Горячо целую тебя, твой *Сергей*.

13 августа 1945 г.

Дорогая Полина!

Передаю беспредельно искренний привет и самые наилучшие пожелания в твоей жизни с дочкой. Правда, очень тяжело переживать болезнь Татьянки, да еще тогда, когда нет определенности на благополучное выздоровление. Я уже тебе писал раньше о своем единственном, не покидающем меня стремлении как можно скорее в это время повидать тебя вместе с Татьянкой, единственной дорогой нам обоим, неоценимой и любимой дочуркой. Ты пишешь, что тебе тяжело переживать за меня, когда бываешь долгое время в неведении о моей жизни, а я бы сказал, что мне вдвойне тяжелее ощущать одиночество и переживать за тебя, за Татьянку, неразделенно дорогих мне. Если бы ты, Полина, знала условия моей жизни, вряд ли стала бы так резко обвинять в неверности к тебе, к семье. Коротко напишу, а ты постарайся поверить этому, так как к тебе я остался таким же нежным и внимательным, я не отдал свою любовь к тебе в воровские руки других людей, я сохранил в душе жгучую любовь, волнующую душу, только к тебе и дочери. Время, Полина, полностью загружено работой, в конце дня всегда чувствую большую усталость, переутомление, на почве чего часто прихварываю. Живу в лагере, в лесу. Воздух здоровый, но начались ежедневные дожди и создается чахлая, как бы осенняя погода.

В ранее посланных письмах я писал о своем переходе на другую должность, но переход не состоялся, и теперь опять работаю на прежнем месте и должности. Признаться, рад этому. Это дает возможность, может быть, месяца на полтора раньше приехать в отпуск. Как было бы это превосходно. Николай пишет, что Сима нуждается в деньгах. Сегодня высылаю ей 3000 руб., думаю, что ты не будешь ругать, так как родственные чувства заставляют оказывать помощь в трудные минуты.

Я тебе как-то во время войны писал, отвечая на письма, в которых ты завидовала жизни Симы и Николая, что будет и на нашей улице праздник, этот праздник пришел после трудных пережитых нами времен, и он поэтому более долговечен.

Посылаю тебе пока свое фото, из которых ты увидишь, как много я изменился, постарел и т[ому] п[одобное]. А вслед за фото жди в полной форме самого виновника столь долгих тревог и страданий, твоего мужа и отца дочери.

Многие из саранских демобилизовались и поехали в г. Саранск. Вскоре будут, вероятно, у тебя, так как я просил об этом, тем более кое-что передал с ними для тебя.

До свидания. Пиши чаще. Меньше волнуйся обо мне. Многое прошло, а эти считанные недели до нашей настоящей встречи мы будем жить хорошими мыслями и единственными стремлениями друг к другу.

Крепко обнимаю и горячо целую тебя и Танечку. Твой *Сергей*.

Твое письмо получил сегодня, посланное 2 августа 1945 года.

ЦГА Республики Мордовия. Ф. Р-3298. Оп. 1. Д. 5.

¹Правильно «Т а й г а з о л о т а я» – полнометражный черно-белый художественный фильм, поставленный на киностудии «Ленфильм» в 1937 г. режиссерами Геннадием Казанским и Максимом Руфом (сценарий Николая Погодина, композитор Венедикт Пушков).

²Романс неизвестного автора (в переложении Софуса (Сергея) Герделя) на слова Н. Девиза.

³В Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. № 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей» говорилось о привлечении в помощь колхозам, совхозам и МТС трудоспособного населения в возрасте от 14 до 50–55 лет (не работающих на промышленных предприятиях и транспорте, служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений, учащихся средних школ, студентов техникумов и вузов). Мобилизация производилась по отдельным периодам сельскохозяйственных работ.

⁴Полнометражный черно-белый художественный фильм, поставленный на киностудии «Мосфильм» в 1942 г. режиссером Юлием Райзманом (сценарий Евгения Габриловича и Сергея Ермолинского, композитор Борис Вольский).

⁵Село в Ардатовском районе. Указом Президиума Верховного Совета Мордовской АССР от 31 августа 1960 г. с. Четвертаково объединено с пос. Тургенево.

⁶Песня композитора Константина Яковлевича Листова на стихи Алексея Александровича Суркова (март 1942 г.).

⁷Правильно П а в л о в с к и й П о с а д – город в Московской области.